

Какими красками писать его? Какими кистями? На каком холсте? Масло, тушь, минеральные пигменты?.. Нет, ничто, кажется, не подойдет...

Я витал в облаках, пока он не протянул мне руку. Стервятники с шумом разлетелись во все стороны. Только тогда я очнулся и понял, как нелепо — и унижительно — распластался у его ног.

— С-спасибо... — сдерживая волнение, пробормотал я и перевел взгляд на его кисть. Пальцы у него были длинные, с четко очерченными суставами, бледные, бескровные, словно покрытые коркой льда. Под кожей проступала синеватая сеточка вен. Едва коснувшись его ладони, я вздрогнул от холода.

Я поднялся, но тут же правую ступню пронзила острая боль. Пошатнувшись, я едва не рухнул ему в объятия и в панике уцепился за его руки. Внезапно под мышками похолодело — он подхватил меня, ноги оторвались от земли, и вот я уже стою на уступе выше.

Ну и силища... Невероятно!

— П-прошу прощения! — Выпрямившись, я смог лучше оценить его рост. Мы стояли на одном уровне, но моя макушка едва доставала ему до подбородка. А ведь во мне метр восемьдесят... Значит, он не ниже метра девяносто пяти?

Такой высокий... Лицо красивое, почти женственное, но плечи широкие, талия узкая — сложение крепкое, атлетическое.

Ничего удивительного для горца, выросшего на баранине и молоке...

Он молчал, неподвижный, словно изваяние, но от него исходило незримое давление. Я отнял руки и отступил на шаг.

— Спасибо вам. Я... я заблудился. Я нездешний, не хотел вторгаться на ваше кладбище. Простите.

Повисла гнетущая тишина. Мужчина стоял не шелохнувшись и не произносил ни звука.

Глаза незнакомца скрывала черная повязка — похоже, он был слеп, — но меня не оставляло жуткое чувство, будто он разглядывает меня. Стало не по себе. Я сжал кулаки, ковыряя ногтем линии на ладони.

— Эм...

— Это не... кладбище. — Голос раздался внезапно.

— А? — я опешил и не сразу понял, что это заговорил он. Голос у него был такой, словно им давно не пользовались — ржавый, скрипучий, низкий, но с неповторимым тембром. Он напоминал звучание старинного струнного инструмента, способного рождать завораживающий, идущий из самой глубины резонанс.

Я тут же устыдился, что в такой момент люблю мужским голосом, и поспешно ответил:

— Ох, простите, я думал, это кладбище... Тут повсюду... эти скелеты, я решил... ай!..

Боже, что я несу. Прикусив язык, я почувствовал, что сейчас сгорю со стыда. Глубоко вздохнув, я заставил себя успокоиться:

— Приятель, ты не видел тут поблизости девочку? Примерно... вот такого роста. — Я показал рукой на уровне груди.

— Ее... увели.

— Увели? — я нахмурился. — Кто увел?

— Они.

Я выдохнул с облегчением, но вопросов стало только больше. Маса говорила, что ее отец и вождь ушли в Лесное море приносить жертву богам. Неужели «они» — это и есть те мужчины? Но почему они забрали Маса, а меня бросили? Если они нашли ее, то не могли не заметить и меня. Или... неужели они так разозлились, что я завел детей в глушь, и решили оставить меня здесь погибать?

При воспоминании о том, что я видел в тумане, по спине пробежал холодок. Я оглянулся на безбрежное Лесное море за спиной.

— Нам нужно выбираться из леса. Здесь опасно. Я только что видел...

Я запнулся, не в силах описать увиденное — скажи я это, любой нормальный человек счел бы меня сумасшедшим. Помолчав, я спросил:

— Вы знаете, как выйти из Лесного моря?

— Опасно... Ты боишься. — Это прозвучало не вопросом, а утверждением.

Я кивнул:

— Да. А вы разве нет? Они же приходили за Масо, почему вы не вернулись с ними в селение?

— Я... живу... здесь.

— Живете здесь? — недоверчиво переспросил я, глядя на темный провал пещеры за его спиной.

— Боишься — заходи.

— А? Я снова опешил. Он повернулся и медленно направился к пещере. Поколебавшись пару секунд, я шагнул следом. Что ж, раз он здесь живет, значит, знает местные опасности лучше меня. Послушать совета местного жителя — это правильно.

Внутри было темно, сыро и холодно. Мы шли по узкому коридору, в стенах которого через каждые несколько шагов виднелись ниши со светильниками в виде черепов.

Если это не кладбище, то что же тогда? Я плотнее закутался в кожаный халат и постарался не отставать.

Коридор вывел нас к еще одной башне из костей, выше и больше первой. Перед ней лежало несколько войлочных ковриков, а между ними и башней стоял длинный узкий стол, тоже сделанный из костей. На столе выделялись три пирамидки в медных чашах — похоже, их слепили из теста грубого помола, а в центре каждой торчал медный пестик. Вокруг пирамидок были разложены звериные внутренности, мертвые змеи и высушенные тушки ядовитых насекомых.

Я узнал эти пирамидки — «дорма». В древности в Сунани так называли особое подношение богам. Горцы преподносили дорма, когда хотели о чем-то попросить высшие силы, и от состава даров зависел результат молитвы.

Вокруг дорма стояло еще несколько медных чаш поменьше: с неизвестными черными ягодами, красными цветами и какой-то черно-красной жидкостью.

Неужели это... храм в пещере?

Но какому богу понадобился храм из человеческих костей? Жуткое место.

Вспомнив, как водитель бормотал что-то про «Бога Мертвых», я похолодел.

За башней открывался природный карстовый грот. Переплетенные сталактиты и сталагмиты преломляли свет свечей, отчего внутреннее пространство казалось запутанным и глубоким, не позволяя рассмотреть все детали. Вдалеке смутно угадывалась лестница, ведущая в еще более

глубокую часть пещеры. Что там — святилище? Статуя божества? Неизвестно.

Однако высокий незнакомец остановился перед башней, словно не желая вести меня дальше. Он выпрямился и опустился на один из ковриков, затем медленно повернул голову, приглашая меня жестом присоединиться.

Решив, что он предлагает мне помолиться местному богу, я подошел и опустился на колени рядом с ним. Тут же колено пронзила острая боль. Втянув воздух, я посмотрел вниз и увидел небольшое кровавое пятно на штанине. Ткань была порвана, под ней виднелась содранная кожа — пережив столько потрясений, я даже не заметил раны.

Я разорвал штанину посильнее. Неожиданно бледная рука схватила меня за лодыжку. Я чуть не подпрыгнул от испуга, но холодные пальцы держали крепко, словно стальные тиски.

— Ты... ранен.

— Да так... кожу содрал немного, — ответил я, прижимая руку к сердцу, и покосился на незнакомца. В свете свечей его лицо было наполовину освещено, наполовину в тени, напоминая залитый лунным светом заснеженный горный хребет. Сердце екнуло. Как жаль, что под рукой нет ни карандаша, ни бумаги, чтобы запечатлеть этот образ!

Пока я предавался этим мыслям, он поднял мою голень и положил на низкий столик перед ковриком. Ступня оказалась прямо среди подношений.

— Эй, так нельзя! — я опешил и попытался отдернуть ногу, но рука на лодыжке держала крепко. Сила у этого человека была невероятная — моя попытка не сдвинула его руку ни на миллиметр, он был непоколебим, словно механизм.

Он не ответил, лишь выпрямил мою раненую ногу, разорвал штанину еще шире, затем взял с медного блюда горсть черных ягод и принялся жевать.

Движения его были медлительнее, чем у обычных людей, — немного странные, но оттого казались особенно изящными. Пока он жевал, по уголкам губ стекала струйка сока, похожая на кровь. Губы стали ярче, и на фоне мертвенно-бледной кожи это создавало образ, напоминающий вампира из старинных европейских легенд — холодного и по-демонически притягательного.

Словно почувствовав мой бесцеремонный взгляд, он слегка повернул голову в мою сторону. Мне показалось, что его взор пронзил черную повязку и встретился с моим. Я поспешно опустил глаза и увидел, как он, наклонив голову, выплюнул пережеванные ягоды на ладонь, а затем приложил эту кашицу к моей ране. Прохладное, желеобразное нечто коснулось кожи, и боль сразу утихла, а в воздухе разлился приятный аромат.

— Спасибо, — придя в себя, поспешно поблагодарил я. Во рту скопилась слюна, и тут же предательски заурчал живот. Я давно ничего не ел, но эти ягоды... это же подношение богам.

Стыдно было просить, и я просто сглотнул слюну. Наверное, слишком громко — он снова повернул голову.

— Ты... голоден?

Какой пронизательный слепец... Я смущенно хмыкнул:

— Эти ягоды... их можно есть?

— Если съедят они, — произнес он, разделяя слова, — я рассержусь. Но ты... можешь.

«Потому что я гость и не обязан соблюдать местные обычаи?»

Голод был слишком силен, чтобы задавать лишние вопросы. Я схватил ягоду и впился в нее зубами. Она оказалась несладкой, даже с кислинкой, но очень сочной и ароматной, чем-то похожей на сливу. Не успел я доесть, как он протянул мне еще одну.

Я проглотил две ягоды и удовлетворенно вытер рот. Только тут я сообразил, что он все еще держит мою ногу, прикладывая лекарство. Моя ступня была грязной — в земле, траве и крови, — а его пальцы оставались безупречно чистыми. На указательном пальце сверкал перстень с сердоликом, явно дорогой. Ситуация была крайне неловкой. Я снова попытался высвободить ногу, но безуспешно. Похоже, его ничуть не заботило, что я могу испачкать его перстень. Станный он, конечно, но добрый.

Станный, но добрый. Хоть он и не мог видеть, я благодарно ему улыбнулся.

— Меня зовут Цинь Жань. Жань — как в слове "окрашивать". А вас?

— Цинь... Жань... — голос незнакомца запнулся, он говорил медленно. — Ты спрашиваешь... мое имя?

Красавец-горец, да еще и такой наивный. Мне стало любопытно, и вся неловкость испарилась. Я усмехнулся:

— А что же еще?

Уголки его губ под черной повязкой чуть дрогнули — казалось, он недоволен. Знакомое ощущение чужого взгляда вернулось, и я перестал улыбаться, гадая, не нарушил ли я снова

какой-нибудь местный запрет.

— Если... если неудобно говорить, то не нужно...

— Тунь... Шэ... На Линь.

— А? — Я снова опешил, не сразу разобрал.

— Тунь... Шэ... На... Линь, — повторил он, словно читая заклинание, все так же бесстрастно.

— Тунь Шэ... На Линь. — Я кивнул. Странное имя... но звучное, с каким-то особым смыслом, которого я не понимал. Впрочем, слог «Тунь» напомнил мне о Таоте — мифическом чудовище, способном пожрать все сущее.

Любопытство разбирало, но мы только познакомились, и расспрашивать было бы невежливо. Я сдержался и задал другой вопрос:

— Тунь Шэ На Линь, почему... почему вы живете здесь один? Тут так... страшно...

— Жду. — Ответ прозвучал не сразу.

— Ждете? Ждете... чего? — Мой взгляд невольно упал на его тонкие губы, испачканные ягодным соком. Дыхание перехватило, в горле пересохло.

— Человека.

Я потерял дар речи. Любопытство разгоралось во мне с новой силой.

Обычно я довольно легко нахожу общий язык с людьми. Встречая модель, которая меня заинтересовала, я парой фраз вызывал ответный интерес, располагал к себе, и человек раскрывался. Это похоже на рыбалку: прежде чем готовить рыбу, нужно ее выпотрошить, изучить скелет, чтобы понять, станет ли она деликатесом. Так и в живописи: пишешь не кожу, а костяк, самую суть.

И только тот, чей костяк по-настоящему уникален, может стать моей музой.

До сих пор такой был лишь один — Мин Ло.

Мин Ло был особенным из-за своей судьбы: незаконнорожденный сын в богатой тайской семье, нелюбимый и непринятый. После смерти матери он в пятнадцать лет ушел из дома, стал бродячим артистом, побывал в сотне стран, исходил горы и долины... Но интуиция

подсказывала мне, что у человека по имени Тунь Шэ На Линь костяк еще более необычный.

Он определенно стоил того, чтобы его написать.

— И... вы дождались того, кого ждете?

Примечание автора: Люди Нашэ на самом деле не являются отдельным племенем, и они не соплеменники Туньтуня. «Нашэ» — это даже не название племени. Что это за люди, пока останется тайной. Продолжение следует ;)

<http://bllate.org/book/13365/1188547>